

ПОЛЮДЬЕ ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ 1154–1200 г.¹

Данные о древнерусском полюдье можно условно разделить на несколько блоков. Наиболее известное и широко цитируемое свидетельство — это рассказ византийского императора Константина Багрянородного в трактате «Об управлении империей» (гл. 9) о «зимнем и суровом образе жизни» «росов», где он даже употребляет соответствующий славянский термин. Ключевые в этом рассказе следующие слова: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их [росов] архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия (τὰ πολύδια), что именуется “кружением”, а именно — в славинии вервианов, другувитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»². Сопоставляя этот рассказ с некоторыми другими данными IX–X в., о полюдье пишут как о важном и характерном элементе социально-экономического устройства Киевской Руси X в.

Гораздо реже историки упоминают о полюдье более позднего времени, когда оно превратилось в один определенный налог. О таком полюдье известно по документам конца XV — середины XVI в., происходящим из русских земель Великого княжества Литовского [Грушевский, с. 120]. Систематического исследования этих данных нет, но генетическая связь полюдья-налога с полюдьем Киевской Руси сомнению не подлежит.

Наконец, о полюдье сообщают источники XII в. — документальные и нарративные (летописи). Эти данные приводились в литературе, но отрывочно и иллюстративно. В настоящей работе предлагается подробный анализ четырех известий второй половины XII — начала XIII в., происходящих из летописания Северо-Восточной Руси, который призван способствовать прояснению эволюции древнерусского полюдья.

Хронологически первым является примечательное известие о рождении сына Всеволода, в крещении Дмитрия, у князя Суздальского Юрия Владимировича Долгорукого и об основании города Дмитрова. Это сообщение отсутствует в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях и читается в ряде летописей XV–XVI в. Но, как показали специальные исследования, оно восходит к домонгольской эпохе, принадлежа ранней ростовской традиции летописания [Шахматов, с. 490; Насонов, с. 119–121].

В наиболее исправном виде известие читается, судя по всему, во второй выборке Новгородской Карамзинской летописи и в Новгородской IV летописи (далее — НК2 и НIV). Обе летописи отражают общерусский летописный свод 20–40-х годов XV в. — так называемый Новгородско-Софийский свод. В этих летописях текст известия практически совпадает и находится в статье 6662 (1154) г. Так он выглядит в НК2: «Родися Юрью сынъ Дмитрии; бѣ тогда в полюдии на рѣцѣ Яхромѣ и с княгинею, и заложил град во имя сына своего, нарекъ ѿ Дмитров, сына же нарече Всеволодом»³.

В Софийской I летописи, еще одной из группы летописей Новгородско-Софийского свода, известие изложено почти так же, но без упоминания полюдья и под другой датой — 6665 (1157) г.⁴ Эта датировка заведомо ошибочна, так как Юрий ушел из Суздальской земли в Южную Русь зимой 1154–1155 г. и умер в Киеве уже 15 мая 1157 г. (см., например: [Карпов, с. 276, 306]). Ошибка в дате объясняется неудачным совмещением разных источников в этой части летописи, вызвавшим повторы и сбои в статьях 6662–6665 г. [Милютенко, с. 30–32, 46].

Тоже без упоминания полюдья, как и в Софийской I, но под 6662 (1154) г. известие присутствует в Московском летописном своде 1479 г., который представляет более позднюю версию общерусского летописания⁵ (соответственно, и в Воскресенской летописи⁶). В Никоновской летописи известие продублировано в одной и той же годовой статье 6663 (1155) г., причем оба раза тоже без упоминания полюдья⁷.

Известие есть также в княжеском родословце летописного происхождения, известном как Новый Владимирский летописец и сохранившемся в двух списках. В лучшем списке, отразившем более раннюю версию родословца 80-х годов XV в., известие датировано, как и в Софийской I летописи, 6665 (1157) г., и в нем опущены не только упоминание полюдья, но также замечание «и с княгинею»⁸.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00327

² Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 50–51.

³ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. XLII. С. 102. Ср.: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 153.

⁴ ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 166; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 229–230.

⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 58.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 60.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 198–199.

⁸ Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 378. Другой список: Павлова Р. Нов Владимирски летописец // Език и литература. 1980. № 5. С. 11. Благодаря Е. Л. Конявской за указание на известие в этом памятнике.

Несколько иначе ростовское летописание, сохранившее древние известия о деятельности Юрия, отразилось в летописях, теснее связанных с самим Ростовом. В XV в. при кафедре ростовских архиереев велось летописание, и в разных версиях (сводах) оно вошло в состав Ермолинской летописи (свод 1472 г.), Типографской летописи (свод 1489 г.) и Тверского сборника (ростовский свод 1534 г.).

В Ермолинской летописи в статье 6662 (1154) г. сказано только о рождении Всеволода, но зато уточнено время события: «тоя же осени»⁸. В Типографской под той же датой читаем известие почти полностью, как в НК2—НIV; опущено лишь замечание, что Юрий был «с княгиней»⁹.

В Тверском сборнике (далее — ТвСб), напротив, о княгине сказано, зато не говорится о полюдь. Известие помещено здесь под 6663 г. и, кроме того, несколько переформулировано и дополнено — в частности, упоминанием прозвища Всеволода «Большое Гнездо», но, главное, уникальной точной датой рождения Всеволода: 19 октября¹⁰. Откуда была взята дата, остается неясным, но она соответствует указанию Ермолинской летописи, что Всеволод родился осенью. В ТвСб есть и другие уникальные известия, которые вызывают доверие ученых. Указание на день рождения Всеволода обычно признается в литературе достоверным, хотя правильной надо считать датировку не 6663 г., а 6662-м мартовским, потому что именно она соответствует исторической ситуации, насколько та реконструируется на основании разных источников [Кучкин, с. 84—85; Горский, Кузьмин, с. 552]. Правда, составитель ТвСб, по его собственному заверению, исходил из сентябрьского счета лет (см. в статье 6702 г.¹¹), поэтому он мог сам сознательно исправить датировку 6662 мартовским годом, бывшую в его источнике, на 6663-й сентябрьский (именно так надо датировать осень 1154 г., если начинать 6663 г. сентябрем 6662-го мартовского).

Надо также иметь в виду, что на 26 октября приходится память Дмитрия Солунского, который был святым покровителем Всеволода, и что, с другой стороны, согласно церковной традиции, наречение имени ребенка предполагается на восьмой день после рождения. Оба эти обстоятельства, вне сомнения, осознавали и книжники XV—XVI в., так что можно подозревать, что дату рождения Всеволода (19 октября) вычислили искусственно, исходя из того, что 26 октября должно было быть восьмым днем жизни новорожденного княжича (ср.: [Литвина, Успенский, с. 506]). Такой же догадкой могло быть и указание составителя Ермолинской летописи на осень как время рождения Всеволода.

Наконец, для полноты картины отмечу, что о закладке Дмитрова сообщает под 6662 (1154) г. Рогожский летописец¹². По-видимому, в распоряжении составителя краткой выборки сообщений, помещенной в этой части летописи, было то самое разобранное выше известие, из которого просто была взята информация только об основании города. Как выяснено, в части Рогожского летописца до 1288 г. отразился некий ростово-суздальский источник [Шахматов, с. 518—519; Муравьева, с. 29—72].

Таким образом, наиболее полной и правильно датированной представляется версия известия, представленная в НК2—НIV. Дополнительные указания Ермолинской летописи и ТвСб о времени рождения Всеволода — и тем самым о нахождении Юрия в полюдь — вероятны, но могут быть и догадками позднейших летописцев. Из рассказа Константина Багрянородного мы знаем, что полюдь происходило с осени до весны (хотя, как увидим ниже, эти сроки были приблизительными). Поэтому в рамках 6662 мартовского года события, указанные в известии, теоретически, если не доверять дополнениям Ермолинской летописи и ТвСб, можно относить либо к марту и апрелю, либо к осени 1154 г. Летом этого года Юрий ходил в поход в Южную Русь, так что его в любом случае не было в Суздальской земле¹³.

В некоторых летописях хотя и приведено сообщение о рождении Всеволода и/или закладке Дмитрова, но при этом опущено упоминание полюдя. Трудно придумать иные причины для такого пропуска, кроме невнимания книжников позднего Средневековья к самому факту полюдя или даже непонимания, что, собственно, имелось в виду. Значит, в их эпоху полюдь исчезло или, по крайней мере, потеряло значение и актуальность.

В отдельных списках не упоминается, что жена, родившая Юрию сына, была с ним в полюдь. Для настоящего исследования это упоминание как раз важно — оно говорит о том, что полюдь представляло собой не кратковременную «деловую поездку», а сравнительно масштабное и длительное предприятие, участвуя в котором князь посчитал возможным взять с собой жену, находившуюся на сносях. Вероятно, оно проходило по населенным пунктам, где могли жить достаточно долго и удобно не только князь со своим окружением, но и его беременная жена. Как предположил А. Н. Насонов, это были «местные административно-финансовые центры» — погосты и становища, специально предназначенные для таких путешествий-проживаний [Насонов, с. 120]. О полюдь как событии «всерьез и надолго» свидетельствует и то, что Юрий при этом заложил город — деяние, требовавшее, конечно, и времени, и

⁸ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 40.

⁹ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 77.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 221.

¹¹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 285.

¹² ПСРЛ. Т. XV. Изд. 2-е. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 21.

¹³ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 341; СПб., 1908. Т. II. Стб. 468.

усилий, и предварительных плана и подготовки. Можно заметить, кстати, что начинать строительство города было бы правильнее весной, в начале строительного сезона, а не осенью, перед зимой (ср. о сроках строительства в Древней Руси, правда, по данным о каменном строительстве: [Раппопорт, с. 110–115]), и тогда надо относить рождение Всеволода скорее к весне 1154 г., а не к осени.

Полюдьё 1154 г. увело Юрия очень далеко от центров его княжества — Суздаля и Ростова. Основанный им город Дмитров был, видимо, призван поддерживать порубежные северо-западные крепости в верховьях Волги (Тверь, Шоша, Дубна), куда вела река Яхрома [Кучкин, с. 79]. Суздаль, стольный город Юрия, отстоит от Дмитрова по прямой более чем на 200 км и по воде связан с Нерлью и Клязьмой, ведущими на восток в среднее Поволжье.

Очевидно, в такого рода полюдьё, в котором был Юрий в 1154 г., князья объезжали значительные территории и не только собирали те или иные подати, но и решали разнообразные вопросы административного и хозяйственного характера. По сути и по происхождению его можно прямо сопоставить с тем полюдьём, какое описывал Константин Багрянородный. Такое сопоставление напрашивается, и его историки сделали уже давно. Еще Н. М. Карамзин считал, что полюдьё, упомянутое в летописных известиях XII в. и описанное Константином Багрянородным, представляло собой одно явление — «*объезд Княжеский*, то есть когда Государь для суда, расправы и собрания даров ездил по людям или областям своего Княжения» [Карамзин, с. 550].

Н. М. Карамзин ссылался помимо упоминания полюдьё в сообщении 1154 г. (известного ему, видимо, по Типографской летописи, опубликованной в конце XVIII в.) еще на одно — в Лаврентьевской летописи (далее — ЛаврЛ) под 6698 (1190) г. Это второе упоминание полюдьё гораздо чаще фигурирует в литературе, и применительно к нему были высказаны даже некоторые оригинальные суждения. Приведу всю годовую статью ЛаврЛ с небольшим сокращением: «Посла бл(а)говѣрныи хр(и)с(то)любивыи великий князь Всеволодъ с(ы)нъ Гюргевъ, внукъ Мономаховъ Володимерь, г Киеву С(вя)тославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору о(т)ця своего д(у)ховнаго Иоан(на) на еп(и)с(ко)пство... [далее следует комментарий, опирающийся на библейскую цитату — П. С.]... Поставлен же быс(ть) м(е)с(я)ця генвар(я) въ 23 д(е)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) м(у)ч(ени)ка Климента еп(и)с(ко)па. А в Ростовъ пришелъ на свои столъ м(е)с(я)ця феврал(я) въ 25 д(е)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) о(т)ца Тарасья, тогда сущю великому князю Ростовѣ въ полюдьи. А в Суздаль вѣшель м(е)с(я)ця марта въ 10 д(е)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) м(у)ч(е)н(и)ка Кондрата. А в Володимерь вѣшель того ж м(е)с(я)ця въ 16 д(е)нь в пяток на канунъ с(вя)таго Олексѣя ч(е)л(о)в(е)ка Б(о)жьи и друга Б(о)жьи Лазаря. Того ж лѣт(а) родися у бл(а)говѣрнаго и хр(и)с(т)олюбиваго князя Всеволода с(ы)нъ м(е)с(я)ця феврал(я) въ 8 д(е)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) пр(о)р(о)ка Захарьи, и нарекоша ѿ въ с(вя)тѣмъ кр(е)щ(е)нни Феодоръ, и тогда сущю князю великому в Переяславли в полюдьи»¹⁴.

Годовая статья состоит из двух сообщений — о ростовском епископе Иоанне и о рождении у владимирского князя Всеволода сына Федора (более известного позднее под его княжеским именем Ярослав). Как показал Н. Г. Бережков, поставление епископа в Киеве и приход его в Ростов следует относить к январю-февралю 1190 г., а значит, первое сообщение датировано ультрамартовским годом [Бережков, с. 84]. Хотя указание о приходе епископа в Суздаль и Владимир (в марте) относится уже к следующему мартовскому году, оно было помещено в это же сообщение — очевидно, летописец, пишучи спустя какое-то время, не хотел прерывать логику рассказа.

Второе сообщение годовой статьи Н. Г. Бережков считал тоже датированным по ультрамартовскому счету, то есть относящимся к февралю того же 1190 г., но не обосновывал этого мнения. Строго говоря, в этом можно усомниться, предположив, что сообщение первоначально было датировано иначе (например, мартовским 6698 г.) и оказалось в ультрамартовской статье 6698 г. при контаминации разных источников на каком-то этапе летописного редактирования. Некоторые основания для таких предположений дают Ермолинская и Никоновская летописи. Первая приводит оба сообщения (в сокращенном виде) под 6697 г.¹⁵, а вторая, разделяя годовую статью 6698 г. ЛаврЛ, относит второе сообщение к 6699 г. (году, оставленному, кстати, пустым в ЛаврЛ)¹⁶. Вместе с тем в других летописях, отразивших, как и ЛаврЛ, владимирское летописание начала XIII в., оба сообщения приводятся вместе под тем же 6698 г. — и в Летописце Переяславля Суздальского¹⁷, и в Московском своде 1479 г.¹⁸ Так же и в Типографской летописи, восходящей, как уже говорилось, к ростовскому летописанию¹⁹. Это заставляет считать все-

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 408–409. Почти так же, хотя и с небольшими сокращениями, читается в Московской Академической летописи. В Радзивиловской здесь пропуск текста. Ср. в Симеоновской: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 34.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 55.

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 19. При этом о полюдьё в Никоновской летописи не говорится ни в первом, ни во втором сообщении.

¹⁷ ПСРЛ. М., 1995. Т. XLI. С. 120.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 94.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 84.

таки оба сообщения восходящими к одной годовой статье и относить события, описанные в них, к одному времени — началу 1190 г. Значит, полюдь, упомянутое в заметке о рождении Федора-Ярослава, было тем же самым полюдем, в котором был Всеволод, когда в Ростов пришел епископ Иоанн, согласно первому сообщению.

Из всех летописей годовая статья в варианте, наиболее близком к ЛаврЛ, передается в Летописце Переяславля Суздальского (далее — ЛПС), хотя и здесь видим расхождения. Во-первых, есть сокращения: опущены благочестивый комментарий по поводу поставления ростовского епископа (пропущенный в цитате из ЛаврЛ выше), пышные титулы Всеволода и указания на церковные памяти в датах первого сообщения. Но, во-вторых, есть и добавление, важное как раз для нашей темы. В сообщении о рождении Федора-Ярослава добавлены слова, выделенные курсивом: «Того же лѣта родися у великого кн(я)зя у Всеволода с(ы)нѣ въ градѣ Переяславли м(е)с(я)ця февраля въ 8 д(е)нѣ на память(ь) с(вя)т(о)го пророка Захарии, и нарекоша ѿ въ с(вя)тѣмъ кр(е)щении Феод(о)ръ, тогда сущю великому кн(я)зю въ Переяславли въ полюдьи». Это добавление вполне объяснимо в той переяславской обработке владимирского летописания, которая представлена в ЛПС и которая особенное внимание уделяет Ярославу, княжившему позднее именно в Переяславле. В рассказе о разделе Владимиро-Суздальской земли после смерти Всеволода и вокняжении Ярослава в Переяславле в апреле 1212 г. эта летопись напоминает о месте рождения князя: «И тако сѣде Ярославъ въ Переяславли на столѣ, идѣж(е) родися»²⁰.

Как следует из этих сообщений ЛПС, в Переяславле, где в феврале 1190 г. находился владимирский князь во время полюдья, вместе с ним была и его жена, разрешившаяся там же от бремени. Налицо явный параллелизм ситуации: Всеволод, правитель Суздальской земли, как и его отец в 1154 г., покидает стольный город для объезда подвластной территории, забирая с собой беременную жену, и, сам рожденный в полюдь, застаёт рождение собственного сына тоже во время полюдья. Трудно сказать, насколько эта аналогия осознавалась современниками. Сохранившиеся тексты, довольно разнородные по содержанию и происхождению, не дают никаких поводов ни подозревать какие-то аллюзии летописцев, ни видеть, следуя нынешней моде, повтор и заимствование «микросюжетов» и текстовых элементов в рамках неких воспроизводимых нарративных структур.

Очевидно, дело здесь не в «нарративных стратегиях» летописцев, а скорее в «стратегиях поведения» людей, привыкших к определенным способам господства и обмена услугами и ресурсами. Совпадение жизненной ситуации свидетельствует лишь о подобии условий жизни. При таком подходе в том полюдь, о каком нам сообщает северо-восточное летописание второй половины XII в., надо видеть довольно устойчивый институт, сохранявший свои суть и формы на протяжении поколений: это была длительная поездка князя и его близких, обставленная «на широкую ногу», с остановками в крупных населенных пунктах, предполагавшая решение разнообразных вопросов в отношении власти и общества.

О таком характере полюдья свидетельствует сообщение о возвращении ростовского епископа из Киева на Северо-Восток в 1190 г. Указывая точные даты передвижения епископа, летописец отмечает, что владыка приехал в Ростов как раз тогда, когда там находился князь, по протекции которого он и получил кафедру. Совершенно ясно, что пребывание Всеволода в Ростове в рамках его полюдья было специально подгадано к возвращению Иоанна из Киева. Еще 8 февраля, когда родился его сын, князь был в Переяславле, а 25 февраля он встречал в епархиальном центре своего духовного отца, обретшего архиерейский сан. Мероприятие, важное с административно-хозяйственной стороны, было совмещено с событием, значимым для религиозно-общественной жизни города и всего княжества (и наверняка торжественно обставленным). Если думать, что Всеволод не случайно, а намеренно ехал в конце зимы из Переяславля в Ростов, имея в виду затем переезд в свой стольный Владимир (вполне вероятно, вместе с епископом, который после Ростова поехал к югу в Суздаль и Владимир), можно предполагать, что до февраля он успел побывать в каких-то центрах своего княжества к югу и западу от Переяславля, например в том же Дмитрове, а может быть, в Москве или Юрьеве-Польском. Тем самым его маршрут имел бы вид некоего «кружения», о котором писал Константин Багрянородный.

Маршрут движения Всеволода в свое время стал предметом рассуждений Б. А. Рыбакова, который пытался вычислить, как проходило полюдь киевских князей в X в. Сопоставление данных Константина и летописной статьи 6698 г. привело историка к далеко идущим выводам и сложным реконструкциям [Рыбаков, 1979, № 2, с. 38–44; Рыбаков, 1982, с. 316]. Однако его рассуждения были изначально построены на одной, но ключевой ошибке. Летописное известие о приезде в Ростово-Суздальскую землю епископа Иоанна с перечислением городов Б. А. Рыбаков понял как описание не движения владыки, а князя. Эту ошибку выявил И. Я. Фроянов, который заключил, что Б. А. Рыбаков просто «перепутал сведения о приезде владыки Иоанна в главные города Ростово-Суздальской земли с полюдем князя Всеволода» — слово «вышел», употребленное несколько раз летописцем, указывало не на Всеволода, переходящего от города к городу, а на епископа [Фроянов, с. 460–461]. Для самого И. Я. Фроянова известие о полюдь Всеволода служит подтверждением его теории о принципиальном различии дани как прямого налога с некоего населения полурабского статуса и полюдья как мероприятия, имеющего целью

²⁰ ПСРЛ. Т. XLII. С. 130.

не сбор дани, а сакрально-мистическое общение правителя и «людей» — «свободных общинников». На мой взгляд, эта теория не находит подтверждения в источниках (см. подробнее: [Стефанович, с. 34–35]). В частности, никаких доводов в пользу этой теории не дает и анализ летописных данных о полюдьё — как двух разобранных выше, так и последнего третьего, к разбору которого я перехожу.

Третье свидетельство о полюдьё до сих пор, насколько я знаю, не приводилось в литературе. Оно содержится в упоминавшемся выше ТвСб в статье 6709 г., где сообщается, что Всеволод Большое Гнездо отправил своего сына Ярослава княжить в Переяславль Русский (Южный) по просьбе жителей этого города. Само это сообщение есть и в других летописях, прежде всего в ЛаврЛ, и происходит, очевидно, из владимирского летописания начала XIII в. В ЛаврЛ оно находится тоже в годовой статье 6709 г. и выглядит так: «Посла благовѣрныи хр(и)с(то)любивыи князь великыи Всеволодъ Гюргевич, внукъ Володимеръ Мономаха, с(ы)на своего Ярослава в Переяславль в Русьскыи княжить на столь прадѣа и дѣда своего м(е)с(я)ца август(а) въ 10 д(е)нь на памят(ь) с(вя)т(ы)хъ о(те)цъ Далмата, Фауста и Исакия, тогда сущю великому князю в Переяславли з дѣтми своими: с Костянтиномъ и Юргемъ. Переяславци же поимше князя своего Ярослава от с(вя)таг(о) Сп(а)са поидоша с радос(ть)ю великою, хваляще Б(ог)а и с(вя)тую Б(огороди)цю и с(вя)таг(о) Михаила, давшаго имъ князя, егоже желаша. Брат(и)я же проводиша ѿ ч(е)стью — Костянтинь, Юрги. И быс(ть) радос(ть) велика в градѣ Переяславли»²¹.

Статья датирована по ультрамартовскому стилю [Бережков, с. 86], значит, событие, описанное в сообщении, произошло в августе 1200 г. В ЛаврЛ явная ошибка в указании дня — память преподобных Исаакия, Далмата и Фавста празднуется Православной церковью 3 августа (по старому стилю).

В ЛПС в той же годовой статье правильно указано именно 3, а не 10 августа. Но в этой летописи само сообщение передано в сокращенном виде, причем не говорится, что Всеволод отправил Ярослава на Юг, находясь с детьми в Переяславле Суздальском (Залесском)²². Возможно, такая правка связана с тем, что население Переяславля Залесского было недовольно решением Всеволода отправить сына на Юг, рассчитывая на Ярослава как на своего князя, и в переяславской обработке владимирского летописания (представленной в ЛПС) редактор постарался сокращением сгладить торжественно-приподнятый тон оригинального известия.

В других летописях это сообщение либо опущено, либо передано в максимально коротком виде одной фразой о посылке Ярослава в Переяславль Русский без указания дня и месяца события, хотя, как правило, и под тем же 6709 г.²³ И только в ТвСб мы видим его почти в том же виде лишь с небольшими сокращениями — опущены эпитеты Всеволода «благоверный» и «христолюбивый», указание на память святых и имена братьев Ярослава, провожавших его из одного Переяславля в другой. Зато указана правильная дата события — 3 августа, но, главное, добавлено, что в Переяславле Залесском Всеволод оказался не случайно, а в рамках полюдьё: «...тогда бяше князь великий въ Переяславли Залѣскомъ з дѣтми своими въ полюдьи»²⁴.

Не видно оснований для сомнений в достоверности этого дополнения ТвСб. Нельзя заподозрить составителя этой летописи в каком-то особом пристрастии к полюдьё: так, он упоминает о полюдьё Всеволода в сообщении о поставлении ростовского епископа (1190 г.), на зато в сообщениях о рождении Всеволода (1154 г.) и рождении Ярослава (1190 г.) эти упоминания опущены²⁵. С другой стороны, как уже говорилось, в ТвСб отразилось ростовское летописание, которое донесло некоторые известия XII–XIII в., отсутствующие или изложенные иначе в версии владимирского летописания, представленной в ЛаврЛ и родственных ей летописях. По сути же своей указание на полюдьё Всеволода в Переяславле выглядит вполне естественным, поскольку о том, что этот же князь ходил в тот же город в полюдьё, говорилось в летописном известии 6698 г. о рождении Ярослава — известии, сохраненном в ЛаврЛ и других независимых от ТвСб летописях.

Удивительнее, на первый взгляд, другое — дата события: 3 августа. Историки, опираясь на рассказ Константина Багрянородного, привыкли считать, что полюдьё происходило всегда с осени до весны. Между тем оказывается, что в полюдьё можно было отправляться уже и гораздо раньше тех месяцев, которые теперь считаются осенними. И на самом деле, это не так уж странно. Анализируя летописный рассказ о полюдьё князя Игоря в середине 40-х годов X в., я уже приводил данные, свидетельствующие о весьма широком и неопределенном понимании сезонов в древности; в частности, осенью могли считать и август [Стефанович, с. 40–41]. С другой стороны, из более поздних данных о полюдьё, происходящих из некоторых областей Великого княжества Литовского, когда оно превратилось уже в определенный

²¹ ПСРЛ Т. I. Стб. 416. Почти так же в Радзивилловской и Московской Академической летописях, только с пропуском точной даты (числа). Правильная дата указана в Симеоновской: ПСРЛ. Т. XVIII. С. 38.

²² ПСРЛ. Т. XLII. С. 123.

²³ См., например: ПСРЛ. Т. VII. С. 107; Т. X. С. 33; Т. XV. Стб. 24; Т. XXIII. С. 58; Т. XXIV. С. 84; Т. XXV. С. 100.

²⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 290.

²⁵ Там же. Стб. 221, 279.

налог, следует, что собирать его могли не только осенью и весной, но и летом. Так, согласно описям Ратенского староства 60-х годов XVI в., полюдье (называемое также «поклоном» или «честью») могли собирать с крестьян или в месяце «липне» (июле), или осенью²⁶.

Если полюдье, с одной стороны, превращалось в длительный объезд подвластной князю территории, имевший разные цели, а с другой стороны, сборы, причитавшиеся с населения во время этого объезда, точнее определялись и формализовались, вполне естественно было, что объезд уже мог происходить не в строго установленные сроки, а тогда, когда это было удобно и князю, и тем, кто его принимал. В то время, когда писал Константин, «архонты росов» ходили в полюдье зимой, потому что летом они отправлялись в торговые или военные предприятия далеко от поднепровской Руси. Но Всеволод, князь владимиросудальский, в конце XII — начале XIII в. уже совсем не обязательно проводил лето где-то за пределами своей земли. Он вполне мог начать традиционное путешествие по ее центрам и в августе, особенно если этого требовали какие-то особые обстоятельства, например, урегулирование вопроса о княжении его сына с жителями одного и другого Переяславлей.

В этом известии обращает на себя внимание еще присутствие сыновей с Всеволодом. Мы знаем, что в 1190 г. во время полюдья с Всеволодом была жена, родившая ему сына как раз в Переяславле. Сообщая о ее смерти в марте 1206 г., летописец пишет, что последние 7 лет жизни она провела, «лежа в немощи»²⁷. Значит, в 1200 г. она не могла никуда ездить, и ее с Всеволодом в Переяславле не было. Тем не менее поездка в полюдье сохраняет «семейный» характер: Всеволод берет с собой трех старших сыновей Константина, Юрия и Ярослава, которые вообще-то жили в то время во Владимире, как следует из летописного сообщения об отправке в Новгород Святослава, еще одного сына Всеволода, в декабре 1199 г.²⁸ По всей видимости, присутствие сыновей в полюдье надо объяснять как способ включения их в традиционные механизмы коммуникации и управления — отец тем самым готовил их к будущей роли правителей, а они устанавливали связи с местным обществом или, как выражались в ту эпоху, заводили себе там «приятелей».

В итоге, если сравнивать информацию о полюдье, полученную из приведенных выше летописных известий, с данными других источников, можно заключить следующее. Полюдье Юрия и Всеволода гораздо ближе тому, которое описывал Константин Багрянородный, чем тому, о котором говорят документальные данные XII и XV—XVI в. Как и киевские князья в X в., владимиросудальские совершают длительные и серьезно подготовленные объезды подчиненной территории. Полюдье, упоминающееся в Уставной грамоте Смоленской епископии и в грамоте Мстислава и Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буйцы 30-х годов XII в., представляет собой определенные налоговые выплаты — очевидно, князь сам не ездил, а получал доходы вместо «кормления» в денежном виде и мог их передавать третьим лицам или учреждениям. То же мы видим и в Великом княжестве Литовском. Возможно, и во Владимиро-Судальской земле какие-то центры и территории тоже только «откупались» от приезда князя. Но сами поездки сохранялись и носили, видимо, регулярный характер. Очевидно, общее социально-экономическое развитие Северо-Востока Руси несколько запаздывало по сравнению с Югом и Северо-Западом, и преобразование полюдья в фиксированный налог здесь еще не совершилось к концу XII в.

Вместе с тем видна и определенная эволюция полюдья. В X в. поездки «архонтов росов» в «славинии» преследовали одну главную цель — «прокормление», носили явный отпечаток принуждения и легко могли привести к конфликту. Княжеские объезды XII в. имели в большей степени административное значение и вообще разные цели — такие, например, как основание новых городов. Князья могли брать с собой не только некоторый «штат» доверенных лиц, но и свои семьи, так что даже во время этих поездок их жены рожали детей. Полюдье владимиросудальских князей носило, в общем, мирный характер и было нацелено не на добычу и силовой захват, а на взаимодействие власти и общества в рамках согласованной и общепризнанной системы обеспечения этой власти.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Горский А. А., Кузьмин А. В. Всеволод (Димитрий) Юрьевич // ПЭ. М., 2005. Т. IX. С. 552—556.
Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1994 (репринт 2-го изд.: 1905 г.). Т. V.
Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991 (1-е изд.: 1816—17 г.). Т. II, III.
Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2006.
Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

²⁶ Архив Юго-Западной России. Киев, 1890. Ч. VII. Т. II. С. 279.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 425.

²⁸ Там же. Стб. 416.

- Милютенко Н. И.* Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 11–51.
- Муравьева Л. Л.* Рогожский летописец. М., 1998.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994.
- Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 41–58; № 2. С. 36–57.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Стефанович П. С.* Древлянская дань киевским князьям // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 19–74.
- Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
- Шахматов А. А.* Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2011. Т. II. (1-е изд.: 1938 г.).